Известия. — 1999. — 16 сент. — с. 10

Георгий ВЛАДИМОВ:

Из меня хотели сделать волчонка Берии

Георгий Владимов на протяжении своего литературного пути знал славу, забвение и снова славу; за повесть о лагерном псе «Верный Руслан» его сначала травили, а затем окружили почетом; ни то, ни другое особенного впечатления на Владимова не произвело. Он всегда жил наособь, не гонялся за успехом и от него не бегая, упрямо продолжая разрабатывать свою литературную жилу и докапываясь до правды о войне и мире. Интервью с Георгием Владимовым мы открываем цикл бесед с отечественными писателями разных поколений, стилистик, взглядов.

— Год назад в Москве вышло четырехтомное собрание ваших сочинений...

— До сих пор воспринимаю эти книги как чудо. Сижу себе в своей Тмутаракани — вдруг телефонный звонок и неизвестный голос: «Мы с вами незнакомы, и тем не менее у меня есть две ваших книжки, надписанные». Я, понятно, заинтригован: откуда? «Вы перед отъездом, в 83-м, пришли на квартиру к Сахаровым прощаться с Еленой Георгиевной Боннэр, и там случился мой приятель, который сказал, что один ваш поклонник просит надписать ему книги». Я этого не помнил, спрашиваю: «И чем я теперь могу быть вам полезен?» — «А вот теперь это уже я могу быть вам полезен». В том смысле, что его фирма, занимающаяся рекламой, готова взяться за издание моих книг.

— Трогательная благодарность к кумиру далеких дней...

— Я тоже сперва решил, что это розыгрыш. Тем более что собеседник назвался то ли не сразу, то ли невнятно, то ли его имя мне ничего не говорило... По-настоящему поверил только через полтора примерно года, когда приехал в Москву и увидел, что Борис Эрленович Гольдман, как в песне поется, всю эту кашу заварил вполне серьезно.

— И все-таки, Георгий Николаевич. Смотрите: вы — лауреат престижнейшей премии, по старым меркам едва ли не Государственной, вашего «Руслана» проходят в школе... А тираж-то собрания сочинений живого классика — 10 тысяч, в советские времена — тьфу!

— К тому, что тиражи маленькие, издателя не найти — к этому писатели, живущие на Западе, давным-давно привычны.

— Но тиражи — это же спрос на литературу, интерес к ней. В вашем четвертом томе я нашел, например, такие слова: «Россия из всех держав выделяется хотя бы уже тем, что она есть величайшая страна Читателя». Где же она, эта величайшая страна Читателя? Исчезла вместе с СССР?

— Я так не считаю. Думаю, что это все же период такой. Читателю, как и всякому человеку, нужно время, чтобы освоиться с новыми условиями. А тут разом вывалили чуть не половину мировой культуры — давай, переваривай! Человек привык с бою добывать мало-мальски стоящую книгу, с проблемой выбора пищи телесной и то с ходу не освоишься, а ему — выбирай! Есть от чего впасть в столбняк. Плюс такой момент, как цены. Плюс то, что теперь надо не жить, а бороться за выживание, привыкать к новому ритму. Плюс... — да вы лучше меня знаете, что еще «плюс». А еще «возвращенная» литература очень высоко подняла художественную планку — современному российскому писателю, по-моему, аж до сих пор приходится конкурировать не столько со своими собратьями по перу, сколько вот с этими новыми старыми текстами.

— И вы считаете, что он в этой конкуренции проигрывает?

— Год-два назад у меня было такое ощущение. Правда, до меня доходило не так уж много русских книг и журналов. «Знамя» вот регулярно присылает свои номера. Иногда вижу «Новый мир», «Дружбу народов»... Общее впечатление было такое, будто литература как бы замерла перед современной жизнью, знает, что необходимо сделать решающий шаг, но все медлит на бережку, придумывая себе все новые отвлечения. Поэтому когда мне говорили, что в России «не читают», я спрашивал: «А что читать?».

— А сейчас?

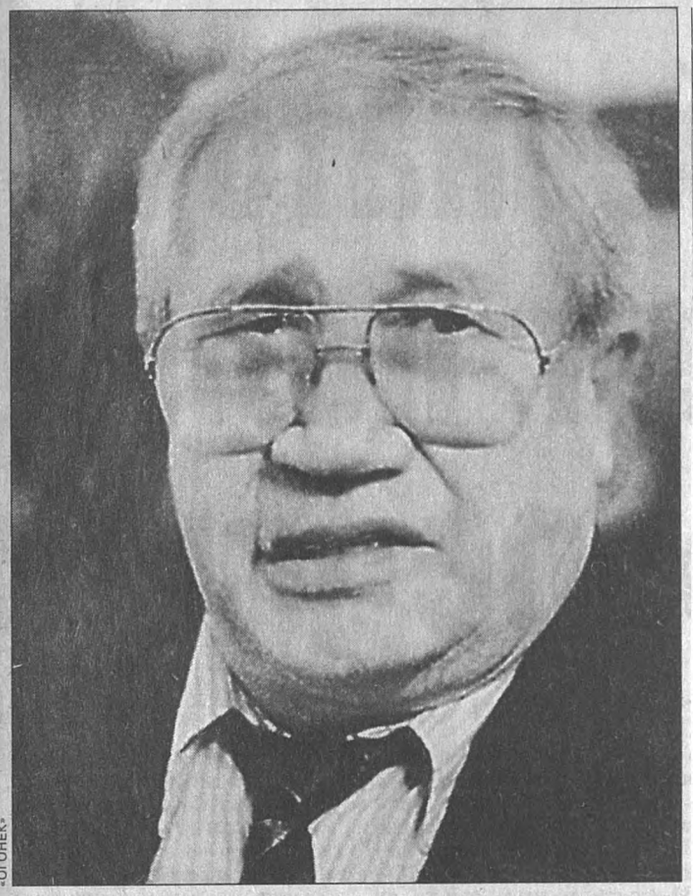
— Если судить по тому же «Знамени», то кое-кто все же дерзнул сделать этот шаг. Для меня первой ласточкой был «Андеграунд» Владимира Маканина. Сильное впечатление оставили «Сказки по телефону» Эргали Гера, «Закрытая книга» Андрея Дмитриева. Возвращаясь к теме читателя, я вот что скажу. Позапрошлой зимой я здесь в больнице провел полторы недели — в самой обычной больнице. И видел, как там вкалывают врачи — несмотря на все прелести их существования. Как они вытаскивают больных. Вот это отношение к работе... Это же чувство собственного достоинства, понимаете? И я не верю, чтобы наш читатель, тот же врач, если хотите, — не верю, чтобы он взял да и отвернулся от литературы. Допустим, это мое субъективное ощущение, а объективно — я смотрю на прилавки. Невероятное количество замечательных книг. Не станете же вы меня уверять, будто все издатели работают вслепую.

— Не секрет, что к вашему поколению — шестидесятникам — нынче модно относиться со скепсисом. Что вы об этом думаете?

— Что меня больше всего поражает, что первыми на шестидесятников начали выплескивать помои ребята из андеграунда, авангардисты: те самые, кому мы как раз старались помочь в свое время. Враг им, что ли, был нужен, чтобы остаться на плаву? И потом — вы заметили? — шестидесятникам то и дело навешивают прямо противоположные грехи — причем часто одни и те же люди. Ругают за то, что молчали, и за то, что говорили, за то, что уехали, и за то, что остались... И потом, кто это такой — шестидесятник? Василий Павлович Аксенов, учредитель альманаха «Метрополь»? Или Феликс Феодосьевич Кузнецов, главный гонитель «метропольцев»? Строго-то говоря, я не шестидесятник. Потому что моя оппозиционная и отчасти литературная деятельность началась в 46-м году.

— То есть?

— Я был суворовцем, учился в училище МВД в Ленинграде, которому покровительствовал сам Лаврентий Палыч Берия — воспитывал, как он любил говорить, «своих волчат». Русские писатели любят повторять, что они вышли из «Шинели» Гоголя, ну а я — из шинели Дзержинского... Узнав о постановлении ЦК против Зощенко, мы с товарищем, тоже суворовцем, и еще одной девушкой решили, что надо поддержать товарища по перу — мы ведь тогда тоже пробовали сочинять, — пойти к нему. И пошли. Потом нас выдала подружкина соседка. Услышала, что мы читаем смешное — это был сборник Зощенко, — попросила книжку и отнесла ее в политотдел училища. Нас стали тягать на допросы: почему мы читаем такую литературу, а мы, воспитанные в кодексе чести, сказали, что мы не только читаем его, но еще и ходили к нему. Тут началось невообразимое — в училище страшно перепугались. Следствие тянулось полгода. Допрашивал нас начальник особого отдела капитан Мигушко, из Москвы приехали, из управления войск МВД, тягали каждую неделю. А потом и там, видать, напугались — принялись убеждать нас, что мы были у Зощенко до постановления. Чтобы, значит, у них у самих головы за нас не поснимали. А мы — ни в какую! Но сломались в конце концов. Так что героев из нас не вышло. Тем не менее и за нами, и за родителями установили наблюдение. К моей матери был приставлен стукач, заводивший всякие разговоры. Через 6 лет она была арестована по статье 58-10 — антисоветская агитация и пропаганда.



«ОГОНЕК»

Впрочем, обо всем этом говорится в первой части романа, над которым я еще работаю, — «Долог путь до Типперери».

— И который несколько лет упорно анонсирует «Знамя»?

— Да... Это начало — как человек становится на тропу сопротивления и как не может с нее сойти. Роман охватывает период 45 лет — до 19 августа 1991 года. Вторая часть — это уже накануне эмиграции. Воспоминания, как переехал в Москву, попал сразу в «Новый мир» — цитадель оппозиции даже при Симонове. Угодил в самое пекло: был редактором романа Дудинцева «Не хлебом единым». Вот вам, пожалуйста: в правой тумбе стола роман Пастернака «Доктор Живаго» — это неперспективно, а вот этим займитесь — роман Дудинцева, очень перспективная вещь. Третья часть — эмиграция, «Грани», моя тяжба с НТС. Есть такой закон, по которому оппозиция копирует своего противника. Я попал в ту же советскую власть, только в карикатурном виде. Не говоря о том, что эта организация была весьма выгодна для КГБ — она изображала себя таким командным пунктом, который руководит всем советским подпольем. За счет этого и получали деньги от ЦРУ. Да и самих агентов ГБ в НТС хватало...

— Известны примеры: бывшие пламенные диссиденты вдруг начинают защищать социализм, империю, говорят, что, может, они тогда и зря «выступали». Как вы сейчас смотрите на свое диссидентство?

— Хотите спросить: не желал ли бы я изменить свое прошлое, видя нынешнюю Россию? Нас, конечно, есть в чем упрекнуть. Но — нет, не желал бы. Что и говорить — многим несладко в этом бесконечном переходном периоде. Но это все-таки не то, что миллионами гнить в сталинских лагерях. И даже не то, что бесконечно врать, врать, врать...

Леонид БАХНОВ